

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XI

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

С. Е. Яхонтов

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИНИТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Языки большей части населения Китая и Индокитая (за исключением алтайских на севере и аустронезийских на юге этой территории) обладают рядом общих структурных черт, позволяющих рассматривать их как представителей одного языкового типа [3]. Во всех этих языках, во-первых, отношения между словами в предложении выражаются не изменением формы самих слов, а либо порядком слов, либо так называемыми «частичами», т. е. такими служебными элементами, которые, подобно русским предлогам и союзам, сохраняют формальную самостоятельность и могут отделяться от тех знаменательных слов, которые они обслуживают; во-вторых, в этих языках фонетические границы между слогами, как правило, являются одновременно границами между значимыми элементами — словами или морфемами. По этим признакам интересующие нас языки являются изолирующими и слоговыми.

Изолирующие, а возможно, и слоговые языки встречаются и в других частях мира, однако мы везде будем говорить только об изолирующих слоговых языках Китая, Индокитая и некоторых прилегающих к ним районов Южной Азии. Эти языки мы будем называть синитическими.

Термин «синитические языки», как он здесь понимается, не является названием семьи (так же как, например, не являются названием семьи термины «кавказские языки», «палеоазиатские языки», «индейские языки»). Не все синитические языки родственны между собой, или по крайней мере их родство не доказано. В генеалогической классификации они входят в состав по крайней мере трех семей — китайско-тибетской, аустроазиатской и тайской (или чжуан-дунской); открытым остается вопрос о языках мяо-яо (которые, возможно, родственны аустроазиатским языкам), а также о родстве тайских языков с малайско-полинезийскими (аустронезийскими). Языки, входящие в состав одной семьи, не обязательно будут типологически ближе друг к другу, чем к языкам других семей. Например, вьетнамский язык (аустроазиатской семьи) по строю очень близок к тайским языкам; китайский язык тоже ближе по строю к неродственным ему тайским языкам и группе мяо-яо, чем, например, к тибетскому. Языки мунда (в Индии), родственные аустроазиатским, а также некоторые тибето-бирманские языки в Гималаях, по-видимому, вообще не являются синитическими и представляют другой тип.

Численность населения, говорящего на синитических языках, достигает 700—800 млн. человек, т. е. около четверти населения Земли.

«Самых синитических языков насчитывается никак не менее ста, а скорее гораздо больше»¹.

Развитие всех изолирующих слоговых языков идет в одном и том же направлении. Хотя весь ход этого развития нельзя проследить полностью ни на одном известном языке, так как он занимает многие тысячелетия, мы все же можем обнаружить общую тенденцию, общее направление движения, сравнивая аналогичные изменения, происходившие в разных, часто неродственных языках.

В зависимости от того, насколько далеко зашли в каждом языке эти изменения, какие именно черты в нем нарастают или убывают, все синитические языки могут быть разделены на архаичные, средние и поздние. Конечно, это деление очень условно. Есть немало языков, занимающих промежуточное положение между архаичным и средним или между средним и поздним подтипом. Более того, иногда в языке, частично сохраняющем архаичные особенности, появляются наряду с ними признаки позднего подтипа (таковы, например, многие современные тибетские диалекты или язык хма, о котором будет сказано ниже).

В основе деления синитических языков на архаичные, средние и поздние лежат преимущественно фонетические признаки (которые легче наблюдать и классифицировать) и во вторую очередь — признаки грамматические.

2. Примерами архаичных синитических языков могут послужить кхмерский, классический тибетский или древнекитайский язык I тысячелетия до н. э. Все это древнейшие литературные языки Восточной и Юго-Восточной Азии. Современные аустроазиатские языки по большей части также относятся к архаичному подтипу. В тибето-бирманской группе ряд архаичных черт сохранили языки некоторых малочисленных горных народов, например кэру (гьярунг), труг (дулун) или ронг (лепча).

В области фонетики архаичные языки характеризуются сравнительно сложным составом слога. Во всех слоговых языках слог имеет твердую внутреннюю структуру; каждый звук в составе слога занимает определенное место, не все последовательности и сочетания звуков допускаются. Но в архаичных языках слог может еще иметь довольно сложное строение. Свободно допускаются сочетания двух, а иногда и более согласных в начале слога; некоторые сочетания возможны и в ауслауте.

Так, в классическом тибетском слог может начинаться с двух, трех или даже четырех согласных, как, например, в словах *brgyags* 'запас еды на дорогу' или *bsgrad* 'идти'². В каждом сочетании один из согласных является основным; его позицию может занимать любой согласный тибетского языка. Позицию перед основным согласным могут занимать

¹ В «Атласе народов мира» [1] показано распространение около ста народов, говорящих на синитических языках. Говоря о ста языках, я предполагаю, что каждый народ говорит на одном языке, хотя это не всегда так: некоторые части народа яо в Южном Китае говорят не на языке яо, а на других языках трех разных семей. К тому же список синитических народов в «Атласе», по всей вероятности, далеко не полон. В других источниках можно найти сведения более чем о 500 синитических языках и диалектах.

² Здесь и в дальнейшем примеры приводятся в обычной для каждого языка транскрипции: русской — для китайского (пекинский диалект) и латинской — для остальных языков и диалектов. В некоторых случаях транскрипция немного упрощена; в частности, заднеязычный носовой согласный везде обозначается сочетанием *ng*. Примеры из языков, пользующихся латинской или русской письменностью (соответственно вьетнамский и дунганский), приводятся в обычном орфографическом написании. Тон везде (в том числе и во вьетнамских примерах) обозначен цифрами.

лишь немногие звуки (а также два сочетания согласных — *br* и *bs*); после основного согласного, перед гласным, возможны только *r*, *l*, *y*, *w*. В кхмерском языке в начале слога может находиться не более двух согласных, причем между ними обычно вставляется соединительный *h* или *ə*, не имеющий самостоятельного фонологического значения: *khmae* 'кхмер', *mənuh* 'человек'. Слова с соединительным *ə* фонологически рассматриваются как односложные.

Даже в архаичных слоговых языках далеко не все согласные, возможные в начале слога, могут стоять и в конце его. Все же число конечных согласных в них довольно значительно; в частности, среди них могут быть щелевые, а также *r* или *l*. В тибетском слог может кончаться сочетанием некоторых согласных с *s*: *sems* 'сердце'. Такие же сочетания, согласно одной из существующих теорий, были возможны в древнекитайском языке: *nips* (современное *нэй*⁴) 'внутри'. В языке кэру возможны скопления двух и трех согласных в конце слога, однако последний согласный (или последние два согласных) в таких случаях представляет собой аффикс, выражающий лицо глагола [7, 145—146].

Корень в языках архаичного подтипа не всегда совпадает со слогом и не является совершенно неизменяемым. В составе односложного слова могут быть суффиксы или префиксы, не образующие отдельного слога. Так, в классическом тибетском время глагола выражается префиксами и (иногда) суффиксами, состоящими из одного звука: *rtsig* 'строит', но *brtsigs* 'построил'. Служебные элементы, выражающие падежные отношения, могут сокращаться до одного звука и «прирастать» к предшествующему корню: *ngas* (вместо *nga-yis*) 'мною', *ngar* (вместо *nga-ru*) 'мне'. Возможны также чередования звуков внутри корня. В древнекитайском можно найти следы существовавших еще раньше суффиксов, префиксов и инфиксов, использовавшихся для словообразования, ср.: *njip* 'входить', *nip* 'впускать', *nips* 'внутри'. Словообразование с помощью аффиксов (префиксов и инфиксов), не всегда образующих отдельный слог, еще более распространено в кхмерском языке. В этом последнем деление двусложного производного слова на морфемы может даже не совпадать с его делением на слоги, т. е. происходит нарушение главного принципа слоговых языков: если от слова *kriip* 'полный' образуется *kumriip* 'наполнять', то в этом втором слове фонетически выделяется слог *kum*, а морфологически — не совпадающий с ним инфикс *-um*.

При переходе от архаичных языков к средним и далее к поздним эта внутрислоговая морфология почти полностью утрачивается; процесс разрушения ее можно наблюдать в истории тибетского языка. Следы ее сохраняются иногда в виде морфологического чередования инициалей (начальных согласных) или тонов. Например, в бирманском языке (поздний подтип) чередование придыхательных и непридыхательных согласных используется для противопоставления переходных и непереходных глаголов: *phwing*¹ 'открывать', *pwing*¹ 'открываться'.

Важной особенностью архаичных синитических языков является отсутствие или, точнее, необязательность счетных слов.

В большинстве языков Восточной и Юго-Восточной Азии числительное может непосредственно сочетаться в предложении лишь с небольшим числом слов или морфем, называемых счетными словами, нумеративами, классификаторами, служебными именами, а в китайской лингвистической литературе — мерными словами (*лянцы*). Примерами счетных слов являются китайские *цзинь*¹ 'фунт', *вань*³ 'чашка', *тоу*² 'голова' в сочетаниях *сань*¹ *цзинь*¹ *жоу*⁴ 'три фунта мяса', *сань*¹ *вань*³ *ча*² 'три чашки чаю', *сань*¹ *тоу*² *ню*² 'три коровы' (досл. 'три головы

коров'). Счетные слова существуют отнюдь не в одних только синитических языках: турецкое *iki kilo elma* 'два кило яблок' построено точно так же, как приведенные выше китайские примеры. Специфика китайского языка (и большинства других синитических языков) состоит в том, что наличие счетного слова при числительном обязательно. Сказать просто «одна корова», не присоединив к числительному счетного слова (в китайском «голова»), нельзя.

Поэтому счетные слова синитических языков можно разделить на две категории: одни (как «фунт») имеют собственное лексическое значение и соответствия в других языках, другие (как китайское *тоу*² 'голова' в сочетании *сань*¹ *тоу*² *ню*² 'три коровы') выполняют только служебную, грамматическую роль и на европейские языки, за редкими исключениями, не переводятся. Эти вторые, служебные счетные слова представляют собой классификаторы в собственном смысле. Выбор того, а не другого классификатора определяется не смыслом высказывания или желанием говорящего, а чисто формальными, автоматически действующими правилами. Для каждого существительного известно, каким именно классификатором он обслуживается. Например, слову *чжу*¹ 'свинья' соответствует не *тоу*² 'голова', а *коу*³ 'рот' (*сань*¹ *коу*³ *чжу*¹ 'три свиньи'), слову *ма*³ 'лошадь' — классификатор *пи*³ и т. п.

Классификаторы представляют собой категорию настолько характерную для синитических (или по крайней мере для китайско-тибетских и тайских) языков, что часто называются в числе их наиболее важных отличительных признаков [5, 23; 2, 27]. Однако в архаичных языках, как уже сказано, употребление классификаторов не обязательно. В китайском языке они становятся более или менее обычными только в начале нашей эры, но и после этого они долгое время остаются факультативными, т. е. наряду с *сань*¹ *тоу*² *ню*² ('три коровы') можно было сказать и просто *сань*¹ *ню*².

Есть еще один отрицательный признак архаичных синитических языков, относящийся, однако, к области фонетики: это отсутствие или очень малое число тонов. Тон считается таким же обязательным свойством синитических или китайско-тибетских языков, как и классификаторы. В наиболее изученных аустроазиатских языках, за исключением вьетнамского, тона нет. Нет его и в классическом тибетском. В древнекитайском языке только два тона (соответствующие позднему равному и восходящему) имели самостоятельное смысловозначительное значение; впрочем, некоторые ученые считают, что и здесь первоначально имело место различие не в тоне, а в долготе гласного или в конечном согласном.

Наличие или отсутствие тонов считается настолько важной характеристикой языка, что, например, тональная природа вьетнамского долгое время мешала признать его аустроазиатское происхождение. В действительности признак тона не является постоянной чертой китайско-тибетских языков и не может учитываться в генеалогической классификации. Любопытен в этом отношении язык хма (цян) на севере китайской провинции Сычуань. В северном диалекте этого языка есть многочисленные сочетания начальных согласных и нет тонов; в южном диалекте — шесть тонов и мало сочетаний согласных (в некоторых говорах их нет совсем) [6, 561 и 564]³. Между тем генеалогическое родство обоих диалектов, естественно, не вызывает сомнений.

3. Языками среднего подтипа являются тайские, вьетнамский, яо,

³ Оба диалекта языка хма обладают и признаками позднего подтипа: почти все слоги в них открытые, есть только два конечных согласных (*n*, *ng*).

китайские диалекты южных провинций Гуандун и Фуцзянь. В тибето-бирманской группе можно указать на язык цзайва, очень близкий к бирманскому, но сохранивший ряд фонетических особенностей, которые тот уже утратил⁴. Наконец, китайский язык I тысячелетия н. э. также обладал признаками среднего подтипа (хотя, поскольку границы между подтипами условны, нельзя точно указать время, когда он перестал быть архаичным). В этих языках характерные особенности синитического типа представлены наиболее ярко и полно.

Сочетания **согласных в этих языках** сравнительно редки или вообще невозможны. Дольше других сохраняются сочетания губных и заднеязычных с *r* и *l* (*kr*, *pl* и т. п.). Они есть в тхайском (сиамском) и некоторых других чжуан-дунских языках, а также в отдельных диалектах яо и даже мяо (хотя язык мяо представляет уже поздний подтип): например, «четыре» в восточном диалекте мяо — *prei*¹, в западном диалекте — *plou*¹. В современном вьетнамском языке сочетания согласных невозможны, но они еще отмечены в словаре А. де Рода (XVII в.): *blai*⁵ 'фрукты', *mlat*⁶ 'собирать'.

Кроме того, в некоторых языках среднего и (чаще) позднего подтипов имеются сочетания согласных, одинаковых по месту образования, таких, как *dl*, *tl* или *nd*, *nt*, *mb*, *mp*; например: *dlu*² 'лягнуть' (язык сани), *mpu*⁵ 'имя' (восточный диалект мяо), *mba*¹ 'лошадь' (некоторые китайские диалекты пров. Шаньси). Такого рода сочетания правильнее, однако, рассматривать как единые звуки.

Наконец, в языках среднего и позднего подтипов возможны звуки *j*, *ɰ* или *i*, *u* между начальным согласным и основным гласным.

Конечные согласные в языках среднего подтипа образуют два параллельных ряда: каждому носовому согласному соответствует один неносовой, и наоборот. Обычно эта система состоит из шести звуков — *m*, *n*, *ng*, *p*, *t*, *k*, но число их может быть и иным (всегда четным). Так, вьетнамский язык знает десять конечных согласных (*m*, *n*, *nh*, *ng*, *p*, *t*, *ch*, *s* и два лабио-велярных согласных, на письме обозначаемых так же, как заднеязычные). В одном из китайских диалектов (уезд Тунчэн на юге пров. Хубэй) мы находим любопытную систему из четырех конечных согласных: это *n*, *ng*, *l* и гортанная смычка (*l* составляет пару к *n*, а гортанная смычка — к *ng*).

Число тонов при переходе от архаичного подтипа к среднему резко возрастает, доходя до восьми и более. Развитие тонов в известной мере компенсирует уменьшение числа конечных и начальных согласных.

Около тысячи лет назад в китайском языке, а несколько позже и в ряде других языков Китая и Индокитая наблюдался один и тот же процесс: звонкие (не сонорные) согласные перешли в соответствующие глухие, но слоги, до этого имевшие звонкие инициалы, получили более низкий тон. Число тонов тем самым удвоилось, каждому из ранее имевшихся тонов теперь соответствовала пара, состоявшая из одного высокого и одного низкого тона. Эта парная система довольно хорошо сохранилась во вьетнамском языке и в гуанчжоуском диалекте китайского. Но в большинстве других языков она нарушилась или исказилась, тоны перегруппировались по-новому, некоторые из них совпали. Так, в тхайском языке совпал один из тонов низкой серии с не являющимся парой к нему тоном высокой серии: в современном тхайском одинаково произносятся слова *kha*³ 'цена' и *kha*³ 'слуга, я' (в прошлом первое звучало *ga*²).

⁴ Цзайва считается сейчас обычно диалектом языка цзинпо, но входит в бирманскую, а не в цзинпоскую ветвь тибето-бирманских языков.

Указанный процесс отчасти охватил и мон-кхмерские языки, но так как в них нет тонов, то оглушение согласных сопровождалось изменением не тона, а тембра гласного и привело к значительному увеличению числа гласных, которых в мон-кхмерских языках и до этого было много.

С другой стороны, в некоторых китайских диалектах (группа У в районе Шанхая и группа Сян в Хунани) оглушения звонких не произошло. Тоны этих диалектов тоже раздвоились, но высокий и низкий тоны каждой пары остаются, видимо, вариантами одной тонемы, обусловленными глухостью или звонкостью согласного. Такие отношения между тонами и инициалами, вероятно, были свойственны всем диалектам китайского языка перед началом оглушения звонких согласных.

Так или иначе, для языков среднего подтипа характерно большое число тонов. Оно сохраняется и в ряде языков позднего подтипа. Например, в западном диалекте языка мяо восемь тонов. Слог *po* в зависимости от того, с каким тоном он произносится, значит 'кормить', 'жена', 'полный', 'колючка', 'ширина ткани', 'бабушка', 'закрывать' и 'видеть'.

Правда, количество смыслоразличающих тонов в том или ином языке иногда преувеличивают. Так, в гуанчжоуском диалекте китайского языка насчитывают обычно девять тонов; но три из них возможны только в слогах с конечными согласными *-p*, *-t*, *-k*, в то время как остальные шесть в таких слогах не встречаются. Таким образом, слог с одним и тем же звуковым составом может быть произнесен не более чем с шестью разными тонами. Правда, надо учесть еще так называемые «измененные тоны»; один из них фонетически тождествен третьему гуанчжоускому тону, но мелодика другого отличается от всех остальных тонов того же диалекта, так что правильнее говорить не о шести, а о семи разных тонах⁵. В некоторых диалектах мяо (поздний подтип) каждый из первоначальных четырех тонов разделяется не на два, а на три. Однако одни из этих тонов (группа А) встречаются только в слогах с непридыхательными, а другие (группа Б) — только в слогах с придыхательными начальными согласными. В одном из диалектов уезда Цзыюнь провинции Гуйчжоу насчитывается 11 тонов, из них шесть соответствуют непридыхательным и пять — придыхательным согласным, так что каждый слог может быть произнесен не более чем с шестью разными тонами [4, 65—67]. Между двумя группами тонов существует постоянное соотношение: тон группы А всегда начинается немного выше соответствующего тона группы Б, кончаются же оба тона на одном и том же уровне. Например, если какой-то тон группы Б — средний ровный, то соответствующий тон группы А — высокий падающий (опускающийся с высокого до среднего уровня).

Морфема в языках среднего подтипа совершенно неизменяема (если не считать некоторых случаев чередования инициалей или тонов). Какие-либо суффиксы или префиксы отсутствуют, есть только корни и «частицы». Корень (т. е. знаменательная морфема) полностью совпадает со слогом и может употребляться либо как самостоятельное корневое слово, либо как составная часть сложного слова; исключениями являются заимствования, которые могут быть и не односложными, а в китайских диалектах и вьетнамском языке — также многочисленные

⁵ Измененные тона служат для словообразования. Замена основного тона морфемы измененным может, например, превращать глагол в имя: *se*¹ 'причесываться' — *so*¹⁰ 'гребень' [8, 12—14]. Изменение тона здесь выполняет такую же функцию, как суффикс существительного в пекинском диалекте; ср. пекинск. *шу*¹ 'причесываться' — *шу*⁴*цзы*⁰ 'гребень'.

элементы древнекитайского происхождения, часто имеющие только связанное употребление (в сложных словах или устойчивых сочетаниях). «Частицы» всегда являются отдельными словами, тоже односложными; между «частицей» и словом, к которому она относится, можно вставить другие слова. Синтетических форм слова нет.

Служебных слов очень много, и не существует четкой границы, которая отделяла бы их от значимых элементов. Обычно служебное слово происходит от знаменательного, причем последнее сохраняется в языке; оба слова не только совпадают фонетически, но между ними ощущается и явная смысловая связь.

Это касается не только служебных слов языков среднего подтипа, но и значительной части служебных элементов архаичных и поздних синтетических языков (кхмерский, современный китайский, бирманский).

Так, в китайском языке предлог, вводящий косвенное дополнение, происходит от глагола «давать» (в среднекитайском — *юй*³, в современном пекинском — *гэй*³); предлог со значением местонахождения — от глагола *цзай*⁴ 'находиться'; предлог, участвующий в образовании конструкции сравнения, в современном пекинском диалекте происходит от глагола *би*³ 'сравнивать', в гуанчжоуском диалекте — от глагола *кхоу*⁵ 'переходить через...' и т. п.

Бывает, что одни и те же слова то употребляются для связи других слов между собой, то получают вполне самостоятельную роль в предложении. Примером могут послужить некоторые слова вьетнамского языка, обычно рассматриваемые как предлоги. В предложении *Tôi¹ lên¹ trên¹ núi⁵* 'Я поднимаюсь на гору' слово *trên* как будто бы соответствует русскому предлогу *на* и выражает отношение между глаголом и подчиненным ему именем. Однако в предложении *Tôi¹ lên¹ trên¹* 'Я поднимаюсь наверх' то же слово употреблено самостоятельно. Значение его в обоих примерах совершенно одинаково ('верх', 'наверху'), различно лишь употребление. Вот еще аналогичная пара примеров, только интересующее нас слово в отличие от предыдущего случая имеет глагольную природу: *Tôi¹ về² nhà²* 'Я возвращаюсь домой'; *Tôi¹ chạy⁶ về² nhà²* 'Я бегу обратно домой'. Слово *về²* может либо само быть сказуемым, либо только указывать направление действия, обозначенного сказуемым.

В описанных выше случаях служебное и знаменательное слово (или одно и то же слово в двух различных употреблениях, как во вьетнамских примерах) по крайней мере образовывали две разные конструкции, занимали две разные позиции. Но и это бывает не всегда. Нам уже пришлось касаться вопроса о счетных словах. Грамматика большинства синтетических языков требует, чтобы после числительного стояло счетное слово. Позиция счетного слова может быть занята словами разной природы. Это могут быть самые обыкновенные существительные, для которых употребление в качестве счетного слова — лишь временная функция, например китайское *вань*³ 'чашка' в *и⁴ вань³ ча²* '(одна) чашка чаю'; могут быть названия мер (*цзинь*¹ 'фунт', *цунь*⁴ 'вершок'), которые явно имеют знаменательное значение, но ни в какой другой позиции, кроме как после числительного, не употребляются; наконец, это могут быть классификаторы, которые на русский язык не переводятся и служат только для грамматического оформления числительного, которое без счетного слова вообще не может быть членом предложения. Среди классификаторов в свою очередь одни имеют параллели среди знаменательных слов, как *тоу*² в сочетании *и⁴ тоу² ню²* 'одна корова' (знаменательное слово *тоу*² значит 'голова'); другие не имеют никакого знаменательного соответствия, как *чжи*¹ (в *и⁴ чжи¹*

цзи¹ 'одна курица'). Вероятно, классификаторы следует считать чисто грамматическими словами, а другие счетные слова («фунт», «чашка» — знаменательными, но дать формальное доказательство этому трудно, поскольку все они входят в состав одной и той же конструкции.

Сходные проблемы возникают и в области словообразования. Некоторые морфемы, повторяющиеся в составе большого числа сложных слов, часто рассматриваются как «полуаффиксы», например первая морфема вьетнамских слов *tho'*⁶ *ren*² 'кузнец', *tho'*⁶ *may*¹ 'портной' (вторая часть этих слов значит соответственно 'ковать' и 'шить'). Однако эти «полуаффиксы» имеют конкретное лексическое значение (родовое по отношению к значению слова в целом) и могут употребляться в этом же или очень близком значении либо как самостоятельные слова, либо в таких сложных словах, где их никак нельзя трактовать как аффиксы. Так, «полуаффикс» *tho'*⁶, о котором говорилось выше, значит 'мастерской, ремесленник' и хотя редко употребляется как корневое слово, но может быть второй (а не только первой) частью сложного слова, например: *xu'o'ng*³ *tho'*⁶ 'мастерская'.

Служебные слова, встречающиеся в различных (не только дальневосточных) языках, бывают двух родов: одни образуют собственные классы, как русские предлоги или союзы; другие, будучи, вне всякого сомнения, грамматическими по функции, тем не менее обладают признаками какой-то знаменательной части речи. Таково, например, русское *буду* как показатель будущего времени. В европейских языках служебные слова второго рода редки, но в синитических языках подавляющее большинство служебных элементов, подобно русскому *буду*, сближается с теми или иными знаменательными частями речи — именами (как классификаторы), глаголами (как китайские предлоги) или наречиями.

Служебные слова обоих родов есть в любых синитических языках, но в языках архаичных и поздних они сосуществуют с аффиксами; кроме того, для среднего подтипа особенно характерны служебные слова типа русского *буду*.

На примере китайского языка можно видеть, как возрастает число служебных слов при переходе от архаичного к среднему типу. В древнекитайском языке было очень немного предлогов (пять, если не считать синонимов) и совсем (или почти совсем) не существовало классификаторов. Древнекитайские предлоги были гораздо менее тесно связаны с категорией глагола, чем среднекитайские или современные.

4. К поздним синитическим языкам можно отнести современные китайские диалекты (кроме некоторых южных групп), а также язык мяо, группу языков И, бирманский, может быть, также мертвый тангутский язык. Ни один из них не может считаться «идеальным» представителем позднего подтипа: признаки позднего происхождения везде сосуществуют с явлениями, характерными для среднего периода.

Во всех перечисленных выше языках прежде всего бросается в глаза упрощение фонетического состава слога. Нарушается система конечных согласных; конечные носовые отпадают или заменяются гортанной смычкой. Из носовых сохраняются только *-n* и *-ng* (как в пекинском диалекте китайского языка) или только какой-нибудь один из этих звуков, или, наконец, все сочетания гласных с конечными носовыми заменяются назализованными гласными (как в языке бай в Юньнани — место его в генеалогической классификации неясно, но типологически он очень близок к языкам И). Гласные, которые в языках среднего подтипа в общем устойчивы, претерпевают сильные изменения, в некоторых языках (например, мяо) совершенно искажающие перво-

начальный облик слова. В некоторых языках все дифтонги переходят в монофтонги, как в дунганском языке и во многих китайских диалектах групп Сян и У (например, в Сучжоу). В бирманском, напротив, появляются дифтонги *ai* и *au* в закрытых слогах (*gaung*³ 'голова'), чего почти никогда не бывает в языках предыдущего подтипа.

Эти фонетические изменения яснее всего видны в истории северокитайских диалектов, а также бирманского языка. Бирманская орфография сохраняет обозначение звуков, уже исчезнувших в произношении. Так, она различает восемь конечных согласных, в то время как в современном бирманском языке их только два (*ng* и гортанная смычка).

Упрощение это достигло крайней степени в некоторых языках группы И. В языке сани слог состоит только из двух звуков — начального согласного и слогообразующего гласного: *ne*² 'черный', *qhu*⁵ 'год', *so*¹ 'считать' (это последнее слово происходит от китайского *суань*⁴, но по нормам фонетики сани сократилось до двух звуков). Слогообразующим элементом могут быть и некоторые согласные: *dv*⁴ 'копать', *lz*⁴ 'тяжелый', *bz*⁴ 'давать', *n*⁵ 'голодный'. Сочетания согласных отсутствуют; звуки *dl*, *tl* (*dlv*³ 'прямой', *tle*² 'плоский'), по-видимому, представляют собой своеобразные аффрикаты. Нет и назализованных гласных; все конечные согласные, в том числе и носовые, полностью исчезли (остатком конечных неносовых является пятый, краткий тон).

В некоторых языках начинает уменьшаться и число тонов. В шанхайском диалекте китайского языка считается пять тонов (вместо семи-восьми в других диалектах той же группы У), из них три высоких (первый, второй, четвертый) и два низких (третий, пятый). Однако слоги четвертого и пятого тонов отличаются от всех остальных наличием в конце их гортанной смычки; низкие тоны встречаются только в слогах со звонкими инициалами, высокие — в слогах с глухими инициалами (есть несколько исключений, касающихся начальных сонорных). Таким образом, в сущности, только для различения первого и второго тонов мелодика имеет существенное значение — в остальных случаях тон слога определяется его звуковым составом⁶.

Однако в тибето-бирманских языках развитие тонов по сравнению с другими сторонами фонетики запаздывает. В языке цайва, о котором говорилось выше как о представителе среднего подтипа, всего три тона. Разделение тонов на высокую и низкую серии произошло только в языках группы И, т. е. максимальное число тонов наблюдается не в средних, а в поздний период.

Общее число слогов в языках позднего подтипа сравнительно невелико, их можно подсчитать. В пекинском диалекте китайского языка около 400 слогов (имеется в виду только звуковой состав слога, без учета тональных различий), в ханькоуском — менее 300, чуть больше — в языке сани. Омонимия становится нормальным явлением: чуть не каждый слог «обслуживает» по два, три и более омонимичных корней.

Поэтому очень часто встречаются слова, особенно существительные, состоящие из двух-трех морфем. Даже самые основные, элементарные понятия сплошь и рядом выражаются сложными словами. Таковы в современном китайском языке *тай⁴ян⁶* 'солнце', *ян³цзин⁰*, 'глаз', *чжан⁴фу⁰* 'муж'; в языке сани — *lo⁴tsz^{w3}md³* 'солнце',

⁶ Причина этого, вероятно, заключается в смешении диалектов. Население Шанхая с начала XX в. увеличилось раз в двадцать за счет притока сельского населения, говорившего на разных диалектах. При этом такие характеристики слога, как звонкость согласных и связанная с нею высота тона, равно как и гортанная смычка, для всех диалектов района Шанхая остаются постоянными, а мелодика тонов в разных диалектах неодинакова, поэтому различия в мелодике постепенно стирались.

$n^2tu^2q\acute{a}^3$ 'грудь', m^4tu^1 'огонь'. Этимология этих слов часто уже затемнена. Например, в китайском $янб^3цзин^0$ 'глаз' корень $янб^3$ сам по себе уже значит 'глаз'; значение второго элемента неясно, ни в каких других сочетаниях он не встречается. Такие слова мы находим и в китайских диалектах. Например, в хакка (диалект среднего подтипа): $theu^2na^2$ 'голова', muk^5tsu^1 'глаз', phi^4kung^1 'нос', sat^6ma^2 'язык' — во всех случаях значение первой морфемы совпадает со значением слова в целом, а роль второй части неясна. Нам даже не всегда известно ее происхождение.

В некоторых языках позднего подтипа появляются фонетически неполноценные слоги — слоги, которые не могут быть произнесены отдельно. В китайском это так называемые слоги «легкого тона», которые не могут принимать ударение или стоять непосредственно после паузы, иначе говоря, не могут начинать собой предложение (а значит, и слово). Примеры были приведены выше («легкий тон» обозначен нулем). В бирманском языке, напротив, как раз первый слог двусложного слова может быть редуцирован: $th\acute{a}ming^3$ 'рис', $y\acute{a}tha^3$ 'повозка', $k\acute{a}za^3$ 'играть'.

Наиболее употребительные грамматические морфемы современного китайского языка как раз представляют собой такие редуцированные слоги. В ряде случаев они теряют не только первоначальный тон, но и гласный (который заменяется нейтральным $\acute{a}$). В дунганском языке, где нет слогов, лишенных тона вообще, служебные элементы тем не менее не имеют постоянного тона — их тон определяется тоном предшествующего слога. Ср. $фон^1зы^2$ 'дом', но $дин^2зы^1$ 'крыша': один и тот же суффикс имеет в одном случае второй, в другом — первый тон.

Многие служебные элементы, особенно фонетически редуцированные, крепко соединяются с корнем, к которому относятся, превращаясь в словообразовательные или словоизменятельные аффиксы. В современном китайском языке существительное и местоимение имеют аффиксальную форму числа, глагол и прилагательное — аффиксальные формы времени (или, по другой теории, вида).

Существуют аффиксы, главная или даже единственная роль которых состоит в том, чтобы образовывать законченное слово от грамматически неполноценного корня. Таков в китайском языке суффикс $-цзы^0$, входящий в состав многих существительных с конкретно-предметным значением. Слово $фан^2цзы^0$ 'дом', содержащее этот суффикс, не отличается по значению от корня $фан^2$, однако последний не обладает способностью к самостоятельному употреблению — он встречается только в составе сложных слов, в то время как слово $фан^2цзы^0$ может иметь все обычные функции существительного. В бирманском языке аналогичную роль играет префикс $\acute{a}$ - ($\acute{a}khang^3$ 'комната'). Правда, обе морфемы, и китайская и бирманская, в других случаях могут служить и для настоящего словообразования (образуя существительное от глагола).

В результате появления большого числа сложных слов и распространения аффиксального словообразования многие корни перестали употребляться как корневые слова и превратились в связанные морфемы.

В ряде языков позднего подтипа члены предложения получают регулярное оформление. Так, в бирманском языке существительное в любой функции (кроме именного сказуемого) может быть оформлено синтаксическим показателем (послелогом); свои показатели есть у подлежащего и прямого дополнения, в то время как в таких языках, как вьетнамский или тхайский, эти две функции различаются только пози-

лий. Правда, и в бирманском употребление именных синтаксических показателей не всегда обязательно. Но в этом отношении положение в бирманском языке мало отличается от того, что мы можем наблюдать в языках агглютинативных (например, тюркских): там тоже имя в функции дополнения или определения может не иметь падежного аффикса. Оформление глагольного сказуемого в бирманском обязательно (кроме повелительного предложения); существует группа частиц, одна из которых непременно должна наличествовать после глагола, являющегося сказуемым. То же мы наблюдаем и в дунганском языке. Там, где по-китайски можно употребить глагол без оформления (*Та¹ чи¹ фань⁴* 'Он ест', досл. 'Он ест рис'), в дунганском необходим показатель времени: *Та² чы¹ фан³ди¹ни¹* 'Он ест'.

Тем не менее языки позднего подтипа остаются синитическими по строю. Служебные элементы, выражающие синтаксические отношения между частями предложения, по-прежнему остаются отдельными словами и не превращаются в аффиксы. Характерно, например, что обязательное оформление сказуемого в только что приведенном дунганском примере присоединяется не к самому сказуемому, а к последнему слову всего предложения (дополнению).

5. Процессы, о которых говорилось выше, не являются ни улучшением, ни деградацией языка. Язык не становится ни лучше, ни хуже оттого, что теряет конечные согласные или заменяет служебные слова суффиксами.

Общее направление развития слоговых языков объясняется тем, что каждое фонетическое изменение вызывает уменьшение возможного числа слогов. Это в свою очередь должно быть компенсировано увеличением размера слов и словоформ⁷.

В чем причина неодинаковой скорости развития отдельных языков, неясно, но, во всяком случае, языки «запаздывающие» не должны на этом основании считаться отсталыми или консервативными. Возможно, что более быстрым изменениям способствуют контакты между языками, смешение языков и диалектов. На севере и западе, где больше возможностей для контактов, изменения более заметны, чем на юго-востоке; на равнине они происходят быстрее, чем в горах.

Предложенное здесь деление синитических языков не является единственно возможным. Существуют и другие классификации. Так, около восьмидесяти лет назад было предложено группировать языки по существующим в них правилам порядка слов; учитывалось место существительного-определения по отношению к существительному-определяемому, место подлежащего и дополнения по отношению к глаголу (и друг к другу) [10, 7—9]. По этим признакам можно тоже выделить три группы языков: аустроазиатские и тайские (зависимое слово всегда после главного), китайский (определение перед определяемым, дополнение после глагола), тибето-бирманские (прилагательное без частиц — после существительного, в остальных случаях зависимое слово перед главным); в группе мяо-яо правила, касающиеся места определения, довольно сложны, причем язык мяо стоит несколько ближе к аустроазиатским и тайским, а яо — к китайскому языку. В еще одной классификации тибетский (а также, по-видимому, некоторые другие, еще слабо изученные тибето-бирманские языки) противопоставляется всем остальным как язык эргативного строя и т. д. Эти классификации, од-

⁷ В конце прошлого века были сделаны подсчеты, показывающие, что китайские диалекты, в которых различается меньшее число слогов, требуют более длинного текста для выражения одной и той же мысли, чем диалекты, обладающие большим запасом слогов [9, 195—197].

нако, не являются историческими, выделенные с их помощью типы языков нельзя расположить в хронологическом порядке, они не переходят закономерно один в другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Атлас народов мира», М., 1964.
2. Ван Ли, Ханьюй ши гао (Очерк истории китайского языка), т. I, Пекин, 1957.
3. Горгониев Ю. А., Плам Ю. Я., Рождественский Ю. В., Сердюченко Г. П., Солнцев В. М., Общие черты в строе китайско-тибетских и типологически близких к ним языков Юго-Восточной Азии (к проблеме моносиллабизма), — сб. «Языки Китая и Юго-Восточной Азии», М., 1963, стр. 3—12.
4. Ли Юн-суй, Чэнь Кэ-цзюнь, Чэнь Ци-гуан, Мяюй шэнму хэ шэндяо чжун ды цзигэ вэньти (Некоторые вопросы начальных согласных и тонов в языке мяо), — «Юйянь яньцзю», 1959, № 4, стр. 65—80.
5. Ло Чан-пэй, Фу Мао-цзи, Гонэй шаошу миньцзю юйянь вэньцзы ды гайкуан (Общий обзор состояния языков и письменностей национальных меньшинств нашей страны), — «Чжунго юйвэнь», № 21 (1954, III), стр. 21—26.
6. Сунь Хун-кай, Цяньюй гайкуан (Общие сведения о языке цян), — «Чжунго юйвэнь», 1962, № 12, стр. 561—571.
7. Цзинь Пэн, Цзяжунъюй Сомо хуа ды юйинь хэ синтай (Фонетика и морфология диалекта Сомо языка гьярунг), — «Юйянь яньцзю», 1957, № 2, стр. 123—151; 1958, № 3, стр. 71—108.
8. Чэнь Хуэй-ин, Бай Вань-жу, Гуанчжоу инь хэ Бэйцзин инь ды бицзяо (Сравнение гуанчжоуского и пекинского произношения), — сб. «Фанъянь хэ пунхуа цзикань», т. I, Пекин, 1958, стр. 5—101.
9. Arndt C., Handbuch der nordchinesischen Umgangssprache, Teil I, Stuttgart — Berlin, 1891.
10. Lacoquerie T. de, The Languages of China before the Chinese, London, 1887.